

Введение

Ю.М. РЕЗНИК

ГРАНИЦА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО (ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС)

Аннотация: автор стремится обосновать основную идею подхода, заложенную в исследовательский замысел авторов и редакторов настоящего тома альманаха. Ее суть связана с преодолением границ с целью развития потенциала и расширения жизненного пространства человека. Это — комплексный, трансдисциплинарный и конструктивистский подход. Конструктивизм за последние полвека уверенно превращается в новую парадигму наук о человеке и культуре. Его истоки следует искать еще в немецкой философской классике, а непосредственными предшественниками являются философия языка и диалога, феноменология, этнометодология, символический интеракционизм. А его представители в социально-гуманитарном знании отмечают, что человек, конструируя мир, конструирует самого себя при помощи познавательных средств (конструктов).

Для определения границ человеческого мира необходимо выработать критерии и переменные. В качестве критериев, позволяющих установить рамки пограничья, в статье рассматриваются интенциональность (как осознанное стремление к преодолению пределов допустимого и выхода в запредельный мир); неопределенность признаков и контрастные комбинации переменных пограничной ситуации; типологическое разнообразие ситуаций пограничья.

Abstract: *The author strives to substantiate the approach lying in the core of the research project of the authors and editors of this volume. Its essence is connected with overcoming borders with the purpose of developing the potential and widening the human living space. It is a complex transdisciplinary and constructivist ap-*

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заместитель директора Российского института культурологии, заведующий кафедрой философии РАНХиГС при Президенте РФ (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

proach. Constructivism in the last fifty years has become a new paradigm in the humanities. Its sources are to be looked for back in German classical philosophy and its immediate predecessors are the philosophies of dialogue and language, phenomenology, ethnomethodology, symbolic interactionism. Representatives of this approach in social sciences and humanities point out that human being constructing the world always constructs himself/herself with the help of epistemic means (constructs).

In order to define the boundaries of the human world it is necessary to work out certain criteria and variables. The article regards as such criteria intentionality (as a conscious strive to overcome the boundaries of the allowed and escape into the transcendental world); indeterminacy of attributes and contrastive combinations of the border situation variables; typological diversity of border situations.

Ключевые слова: человек, человеческое, бытие, мир, культура, междисциплинарность, конструктивизм, конструирование, конструкт, граница, пограничье, предел, участие, присутствие, влияние, трансперсональность, транскультурность.

Keywords: human being, human, being, world, culture, inter-disciplinarity, constructivism, constructing, construct, border, borderlands, boundary, participation, presence, influence, trans-personality, trans-culturality.

О нашем подходе к анализу границы человеческого

Представлю в общих чертах концептуальную идею, заложенную редакторами данного тома альманаха в его содержание. Суть ее состоит в следующем. Граница человеческого бытия определяется, с одной стороны, как порог его жизнедеятельности, устанавливаемый факторами природного и социокультурного характера, с другой, как потенциал развития человека, открывающий возможности для расширения его жизненного пространства, в т.ч. посредством собственного выбора, реализуемого на основе осмысления, самоопределения или конструирования, и, наконец, с третьей стороны, как промежуточное (смежное) пространство или ситуация соприсутствия с другими людьми и объектами. С разными трактовками границы человеческого связано и разнообразие подходов к ее изучению.

В данном томе предпринята многоуровневая попытка создать уникальный междисциплинарный научный подход, наиболее полно отвечающий задачам исследовательского проекта и совмещающий фундаментальную составляющую с тщательным исследованием трансформирующегося общества, в котором живет человек во всех его многочисленных ипостасях и образах. Насколько это получилось, судить не нам, а нашим читателям.

Исходная идея такого подхода заключается в том, чтобы не просто объединить возможности разных дисциплинарных подходов, но и выработать трансдисциплинарное знание, соответствующее духу эпохи и тенденциям современного мира. Конкретное название подхода пока не определено участниками проекта на данном этапе исследования. Но уже сейчас можно перечислить несколько характеристик, определяющих его содержание.

1. Это – *комплексный подход*, относящийся к совокупностям разнородных объектов и элементов, конституирующих мир человеческого и не представляющих собой целостные единства (системы). Скорее последние характеризуют многосоставные, динамические и поливариантные образования, которые я условно называю комплексами.

2. Это – *постнеклассический подход*, связанный с формированием особых, дискурсивных практик, которые имеют дело скорее с концептуализацией различий в мире человеческого (в т.ч. социокультурных), чем с выявлением интегративных признаков изучаемых явлений.

3. Это – *мета- и трансдисциплинарный подход*, который не только снимает ограничения узкодисциплинарных дискурсов и практик, но и выработывает новую методологию исследований, основанную на применении методов *конструирования* человеческой реальности. При этом выделяются различные основания такого конструирования – онтологические, эпистемологические, аксиологические и собственно антропологические.

4. В содержательном плане это – *конструктивистский подход*, апеллирующий к реальности второго порядка – организации и построению человеческой деятельности при помощи конструкторов, дифференцирующих ее на множество скоординированных определенным образом практик.

Итак, идейной основой указанного выше подхода выступает конструктивизм. Мне остается только указать на его разновидность. Как известно, термин «конструктивизм» (от лат. constructio – построение) обозначает «направление в *эпистемологии* и *философии науки*, в основе которого лежит представление об активности познающего *субъекта*, который использует специальные *рефлексивные* процедуры при построении (конструировании) *образов, понятий и рассуждений* (мы отвлекаемся от других смыслов термина «конструктивизм», используемого, например, в искусстве, а также от различий между конструктивизмом и конструкционизмом)¹.

¹ См.: *Князева Е.Н.* Эпистемологический конструктивизм // *Философия науки*. Вып. 12. *Философия сознания*. М.: ИФ РАН, 2006. См. также: http://epistemology_of_science.academic.ru/328/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%BC.

Конструктивизм берет свое начало еще в XVIII веке в работах Беркли и Канта. Об этом пишет В.А. Лекторский: по Канту, «опыт — это конструкция, это организация субъектом материала чувственности (ощущений) с помощью априорных форм чувственного созерцания и априорных категорий рассудка»².

Как пишет Е.Н. Князева, «Логика рассуждений ведет к соответствующему пониманию человека как наблюдающего и теоретизирующего существа. Наблюдая мир, наблюдатель создает самого себя. Наблюдение создает наблюдателя. Наблюдатель, наблюдаемый процесс и процесс наблюдения образуют неразложимое единство. Нет наблюдения без наблюдателя. Нет языка без носителя языка: язык и продукт говорящего, и его создатель. Язык творится людьми и творит их. Язык говорит в нас и через нас, строит нас, будучи нашим порождением. Конструируя мир, человек конструирует самого себя»³.

Повторю, *конструируя мир, человек конструирует самого себя*. Пожалуй, лучше не скажешь. В этом метафорическом утверждении содержится дух и, если хотите, основной пафос конструктивизма. Тогда как в традиционной науке считается, что человек познает мир как объективную реальность, конструктивисты идут дальше, заявляя: человек не только отражает, но и творит мир, наделяя его собственными свойствами и значениями. Конструирование есть предвосхищение будущего, а в практическом плане — порождение нового опыта.

И далее: «Конструктивистская «онтология» может быть метафорически представлена как мир, словно сотканный из миллиардов одновременно осуществляющихся актов наблюдения — моментально вспыхивающих лучей, высвечивающих свой собственный локальный сектор, тут же гаснущих и в следующие мгновение освещающих другое. Радикальность различения реальности и действительности выходит далеко за пределы даже установок *критического рационализма*, утверждавшего достоверность знания хотя бы заведомо недостоверных аспектов реальности, т.е. достоверность положений о том, чем реальность *не* является. В то же время и с точки зрения радикального конструктивизма ложность, как «другая сторона» *истины*, выражает принцип *рефлексии*, принуждает к размышлениям об исследуемом факте или явлении, в то время как истина принимается как не требующая особой мыслительной работы. Иными словами, любое истинное суждение, каким бы нетривиальным оно

² Лекторский В.А. Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 13.

³ См.: Князева Е.Н. Эпистемологический конструктивизм...

ни казалось, всегда находится на пути к тривиальности, просто сопровождающей размышления ученого как фоновое знание, не требующее специального обоснования и концентрации внимания.

Очевидно, что ключевой вопрос радикального конструктивизма состоит все в том же классическом отношении знания реальности (действительности) и самой действительности, но это отношение получает теперь новую редакцию. Проблемой для философского исследования становится не сама действительность, а способы ее конструкции, что требует обращения к конкретным эмпирически фиксируемым операциям наблюдения тех или иных агентов или наблюдающих систем. В этом смысле конструктивизм не отрицает реальности, но, наоборот, исследует ее генезис. Реальность появляется тогда, когда наблюдатель второго порядка оказывается способным увидеть то, что не видит наблюдатель первого порядка. Ведь у первого наблюдателя его видение, познание (сектор наблюдения) и осваиваемый им сектор реальности совпадают. Он не способен воспринимать само различие, разделяющее его локальный мир (т.е. наблюдение) и недоступные ему сферы. Лишь наблюдателю второго порядка открывается скрытое от первого «пространство», а значит — и само различие зримого и незримого»⁴.

Некоторые исследователи относят конструктивизм к новой парадигме наук о человеке. Так, в частности, на этом настаивает В.Ф. Петренко, опубликовавший статью с аналогичным названием в журнале «Вопросы философии»⁵, где автор статьи исходит из представления о том, что знания не являются калькой («отражением») реальности, а конструируются субъектом на основе опыта взаимодействия с миром, и зависят от мотивации субъекта познания, языка описания, операциональных средств и т.п., что определяется в конечном итоге культурой общества и личностными особенностями субъекта познания, его «картиной мира»⁶.

В.Ф. Петренко, опираясь на предложенную В.С. Степиным концепцию постнеклассической науки, утверждает, что средства познания, используемые субъектом, в т.ч. органы его восприятия и чувств, непосредственно влияют на конструирование моделей познания (ценностно-мотивационная составляющая познания). Сам же автор отмечает, что тема активности познающего субъекта не нова и применялась представителями многих философских течений. Также не нова и идея опосредующей роли языка в познании субъекта (В. Гумбольдт).

⁴ Там же.

⁵ См.: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=338.

⁶ См.: там же.

О том, что реальность (социальная или психологическая) является продуктом конструирования субъектов, писали не только феноменологические социологи (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман и др.), но и до них многие философы и ученые. То, что реальность, которую мы изучаем, включает элементы веры, чувства и смыслы не только действующих субъектов, но и познающих, также стало азбучной истиной. Дж. Келле пошел дальше в своем представлении о том, что каждый человек, подобно ученому, создает посредством личных конструктов собственные картины или модели мира, которые являются одной из форм описания действительности. Для феноменологически мыслящих ученых социальная реальность конструируется путем конвенционального согласования индивидуальных картин мира и выработки рабочих определений, а также правил их применения.

Полагаю, что ни я, ни другие участники проекта не придерживаются положений радикального конструктивизма. Мне, например, не совсем понятна данная эпистемологическая позиция, при которой знания должны соответствовать критерию жизнеспособности системы (организма), хотя идея активности познающего субъекта, которую разделяют все конструктивисты, вполне приемлема. Стоит также более осторожно относиться к прямому заимствованию из кибернетики таких понятий, как круговая причинность, информационная замкнутость, самоорганизация и самореферентность.

Однако ряд идей конструктивизма используется нами при обосновании собственных концепций.

Первое. Общее место в различных ветвях конструктивизма – идея построения идеальных миров при помощи конструкций или конструктов. Причем речь идет о самых разных конструктах – познавательных (эталонны познания), личных (ориентиры личностного восприятия и практического действия) и пр.

Е.Н. Князева, апеллируя к положениям немецкого философа Бернда Ваассена, приводит несколько характеристик процесса конструирования, которые я дополню, в свою очередь, некоторыми суждениями. С этой точки зрения, конструирование – это:

– целеполагание и целенаправленное различение, т.е. производство значимых для субъекта различий («всякий опыт существует только как различение», причем не элементы и связи сконструированных систем имеют значение, а различия);

– процесс порождения когерентного («связанного») и относительного («кажущегося») мира, являющегося производным от наших интерпретаций;

– безграничный и рекурсивный процесс, который включает в себя одновременно разные модусы времени (прошлое, настоящее и будущее);

– процессуальное единство, образуемое наблюдателем, наблюдаемой реальностью и самим процессом наблюдения;

– сугубо индивидуальный процесс, в котором человек оформляет результаты своей деятельности.

Согласно установкам и принципам конструктивизма, целью познания как конструктивной деятельности считается не достижение объективного знания, а адаптация действительности к целям и интересам познающего субъекта. Объективной истины не существует. Она всегда относительна и множественна. Только то знание является истинным, которое лучше всего приспособливает человека к окружающей среде и обеспечивает ему выживание.

И здесь встает вопрос. Если окружающий мир выступает нашим собственным изобретением, то зачем же тогда приспособливаться к нему? Или все же существует нечто вне нас и наших представлений о мире, что обуславливает в той или иной мере возникновение конструктов?

Полагаю, что из этого замкнутого круга не выйти, если исходить из двух прямо противоположных посылок – конструирование (построение) и приспособление. Конструирование вмонтировано в деятельность и в значительной мере программирует ее течение. Возможно, это – составная часть самой деятельности, а может быть надстройка над нею, которая выполняет роль креативного центра.

Второе. Совокупность конструктов (понятий, значений и пр.), используемых субъектом при построении системы, опосредует постижение реальности. Поэтому так называемая «объективная реальность», «эмпирический мир» или «действительность» является результатом познавательного конструирования субъектов. Причем конструкты создаются людьми, а не возникают ниоткуда или сами по себе. Они встраиваются в структуру существующего опыта людей.

Главное, что следует заимствовать из конструктивизма, так это идею множества способов концептуализации событий при помощи конструктов. Благодаря конструктам (способам истолкования мира и другого опыта у Дж. Келле) можно предсказывать и конструировать события своей жизни и оценивать происходящее в ней.

Однако одних конструктов недостаточно для построения системы конструирования. Нужны единицы анализа. А это – события повседневной жизни людей. Я рассматриваю их как сфокусированные взаимодействия индивидов, происходящие по определенному поводу⁷. Как прави-

⁷ См.: Резник Ю.М. Социальная теория и мир практик // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10. Вып. 1 (40). С. 9-18. 2008. Т. 10. Вып. 2 (41). С. 8-18; Резник Ю.М. Социальная реальность:

ло, у повседневных событий нет конкретной цели, но всегда присутствует повод (причина), которая является результатом выбора самого субъекта. К примеру, он может организовать свой день рождения как-то по-особенному, пригласив вполне определенных участников. А может поступить в университет и обрести новый смысл своего существования. Соответственно элементами системы конструирования выступают события, а ее средствами — конструкты. Последние подразделяются мною на познавательные (понятия, концепты и пр.) и практические (технологии, схемы, планы, программы и пр.).

Третье. Еще одним понятием конструктивизма является понятие конструкции. В моем понимании оно выражает определенную организацию деятельности человека по производству значимых для него событий при помощи конструктов (познавательных и практических). Вместе с тем конструкция характеризует специфический способ соединения реальностей и субъектов разного порядка. Исходя из принципа процессуального единства наблюдателя, наблюдаемой реальности и процесса наблюдения, конструкцию следует рассматривать как автопоэтическую систему, которая сама себя воспроизводит (воссоздает) из элементов и конструктов опыта, имеющихся у субъекта.

В структуре конструкции как автопоэтической системы следует выделять не только реальности первого порядка (непосредственно отображаемая, наблюдаемая реальность) и реальность второго порядка (интерпретируемая или рефлекслируемая реальность), но и субъектов первого и второго уровней, которые различаются между собой тем, что у наблюдателя первого уровня сектор наблюдения и сектор наблюдаемой реальности во многом совпадают, а у наблюдателя второго уровня (субъекта интерпретации) имеются возможности для сравнения двух секторов (зримого и незримого, постигаемого и постижения) в рамках более широкой системы координат. В повседневной жизни оба субъекта меняются местами, попеременно выступая в роли наблюдателей первого и второго уровней. Любой наблюдатель оказывается также в роли наблюдаемого субъекта. Процесс смены позиций наблюдателя и наблюдаемого — необходимая предпосылка существования конструкции как автопоэтической (самовоспроизводящейся) системы.

Можно предположить, что существуют и наблюдатели третьего уровня, находящиеся в глубокой рефлексивной позиции. В качестве примера может служить выражение «критика критической критики». В этом при-

мере мы имеем дело, как минимум, с несколькими уровнями реальности (критикуемая реальность – реальность критикующего – реальность критика, критикующего другого критика – реальность наблюдателя, критически настроенного по отношению к наблюдателю, критикующему другого критика).

Как известно, современный конструктивизм в философии и гуманитарном знании не представляет собой единого научного направления. И хотя он возник еще в середине прошлого века, сегодня, как и прежде, это – скорее рождающаяся парадигма или исследовательская перспектива, которая включает множество течений, школ и самостоятельных концепций (логический, когнитивный, в т.ч. когнитивно-биологический конструктивизм и пр.).

Конструктивизм проник практически во все области социально-гуманитарного знания – философию, социологию, культурологию, экологию и др. Появились также новые направления исследований (например, «социальный конструктивизм»). В качестве предшественников конструктивизма называют феноменологию, этнометодологию, символический интеракционизм, интерпретативную антропологию и пр.

Сегодня конструктивизм в социально-гуманитарных науках объединяет представителей постмодернизма (и постструктурализма), философии диалога (Ю. Хабермас, М. Бахтин и др.), лингвофилософии (последователи Л. Витгенштейна), дискурсивной теории (Дж. Поттер и др.), нарративного подхода (Дж. Бруннер и пр.).

Большинство участников проекта, работы которых опубликованы в данном томе альманаха, в той или иной степени разделяют основные положения социального (в нашей версии – социокультурного) конструктивизма, который признает первостепенную роль дискурса в конструировании мира и собственного «Я». Ключевая идея этого направления состоит в том, что социальный мир (в отличие от персонального) конструируется не индивидуально в своем сознании, а совместно – в коммуникативных практиках и диалогах. Различные конструкции реальности, образуемые единством наблюдателя, процесса наблюдения и наблюдаемой реальности, формируются в ходе конвенционального (взаимосогласованного) и осмысленного взаимодействия субъектов, претендующих на собственную картину мира.

Авторы настоящего альманаха при всём разнообразии их позиций, сходятся в одном: реальность мира и то, как мы его воспринимаем (постигаем), являются предметом конструирования участников дискурса.

Именно такой позиции придерживаются и сами авторы в данном исследовании. Полагаю, что в целом их индивидуальные научные предпочтения не выходят за рамки социокультурного конструктивизма, хотя, возможно, имеются и исключения.

С точки зрения идейно-теоретической приверженности разным ветвям конструктивизма и предпочитаемого типа дискурса я бы разделил авторский коллектив на несколько исследовательских ориентаций:

- постэволюционистский дискурс (А.А. Пелипенко, В.М. Хачатурян);
- постмодернистский дискурс (П.К. Гречко);
- трансперсональный дискурс (Ю.М. Резник, Л.Н. Перепелкин, В.М. Хачатурян);
- деколониальный дискурс (М.В. Тлостанова);
- синергетический дискурс (О.Н. Астафьева).

В качестве иллюстрации приведу несколько высказываний, подтверждающих конструктивистскую направленность нашего исследования. «... Культурное сознание, — подчеркивает А.А. Пелипенко, — *само творит культурную реальность*, что придает культуре не только свойства саморазвивающейся системы, но и статус *субъекта*». Основная единица анализа — смысловые конструкции культуры. При этом сама культура рассматривается исследователем как «проект самопередельвания человеком самого себя с косвенно осознаваемой целью изменения соотношения вероятностных потенциалов имплицативного мира».

П.К. Гречко рассматривает постмодернистский стиль мышления как альтернативу логоцентризму с его бинарной парой «рациональное-нерациональное», принятой в рационализме и модернизме. Для борьбы с бинаризмом служит «метод деконструкции, который выявляет, утверждает и поощряет различия, направляя свою критическую энергию против всего того, что их нивелирует, подрывает, разрушает». И далее: «деконструктивистское («деконструктивное») знание есть знание активное, мобилизующее, т.е. направленное на выявление и фиксирование той неопределенности, которая есть во всех наших — теоретических и практических — конструкциях». Отмечу, что Гречко, как и Пелипенко, использует в своем понятийном аппарате термин «конструкция», который характеризует «устойчивые и подтвердившие свою эффективность структуры или институты».

Конструирование реальности, прежде всего, культурной, есть, по мнению П.К. Гречко, формирование смыслов. Именно последние определяют содержание этой реальности, которая имеет сетевую структуру, множество когерентных единиц.

В.М. Хачатурян, подчеркивая значение постнеклассического, «вероятностного» образа мышления, указывает на то, что «воспринимаемый

нами мир представляет собой «отфильтрованную реальность» – конструкт, определяемый перцептивными возможностями человека и в значительной мере заложенными в нем биологическими и социокультурными программами».

На значимость конструктивного подхода к исследованию организаций указывает И.А. Урмина. «... В рамках конструктивного подхода к культуре организации, – отмечает она, – важно проводить различие между событиями, имеющими реальные физические или социальные последствия, и их идеологической, ценностной интерпретацией». С ее точки зрения, формирование идентичности в организации, благодаря чему у членов группы происходит сходное восприятие реальности через понятие «Мы» и смысловые конструкты. «Возможен и другой вариант – композиционное конструирование «Я-идентичности» из «Я-идентичностей» других членов организации, предпочтительных для индивида в определенной ситуации».

Таким образом, конструктивизм как стиль мышления и методологическая программа объединяет многих индивидуальных участников нашего проекта. Надеюсь, что в следующем году нам удастся продолжить анализ методологических оснований социокультурного конструктивизма как исследовательской перспективы.

О критериях, переменных и типах пограничных ситуаций человека

Как известно, понятие «граница» (грань, край, межа, мера, предел, рубеж; черта, демаркационная, разграничительная линия) характеризует черту, разделяющую два или больше смежных пространства. Это также то, что отделяет один предмет от другого, линия раздела смежных областей. В свою очередь термин «пограничье» обозначает смежное пространство, разделяющее любые локальные сферы или области. Понятие «граница человеческого» устанавливает линию разделения человеческого и иных миров. Его содержание в целом конкретизируется, с моей точки зрения, при помощи ряда понятий (мера, предел, рубеж и пр.). Мера определяется не только как единица измерения, но и как точка соответствия между эталоном (например, образцом) и реальным поведением. Предел устанавливает максимально возможную точку достижения результата или развития ситуации в ходе деятельности конкретного человека. Рубеж характеризует, в свою очередь, пограничное пространство.

В качестве критериев человеческого пограничья я буду выделять следующие признаки: интенциональность как осознанное стремление человека к преодолению пределов допустимого (или границы возможного), за которым начинается иной мир (запредельный, имплицативный,

трансцендентный и пр.); неопределенность признаков и полярная комбинация переменных пограничной ситуации; типологическое разнообразие пограничных ситуаций и др.

Во-первых, как и в природе, где среда устанавливает границы выживания для живых организмов, так и в социуме существует свой *предел* (или пределы, ограничения) *допустимого*, перешагнув который мы вступаем в «пограничную зону», а затем в мир запредельного. Поэтому здесь не «работают» в полной мере критерии адаптации, выживания или эффективности, принятые в большинстве эволюционистских или функционалистских теорий. Нельзя также полагаться на механизмы «естественного отбора» и другие ресурсы.

Совершенно очевидно, что мир запредельного лишь обозначает область вожделения, куда стремятся попасть субъекты, находящиеся в пограничном пространстве. Выйти за предел допустимого или за границу возможно — мечта многих, но лишь немногие на это способны. В нашем проекте мир запредельного анализируется в терминах имплицативного (А.А. Пелипенко), трансцендентного и трансперсонального (Ю.М. Резник).

Во-вторых, пограничная ситуация (ситуация пограничья) рассматривается в контексте *неопределенности* («или — или»). А это значит, что для поддержания этой ситуации необходима «полярная», а не пропорциональная комбинация переменных. Каждый человек определяет как меру своего присутствия, участия, влияния (воздействия), так и предел своих возможностей, позволяющих ему выполнить (или не выполнить) определенную деятельность.

При этом термины «присутствие», «участие» и «влияние» используются мною для описания пограничной реальности (ситуации, пространства и пр.) лишь в конкретных сочетаниях⁸. Существует, как минимум, несколько возможных комбинаций («пар») переменных, характерных для пограничной ситуации человека (здесь специально исключены варианты «плюс — плюс» или «минус — минус»):

⁸ Уточню значение некоторых терминов-переменных. *Присутствие* есть указание на факт нахождения субъекта в данном пространстве или ситуации. *Участие* — это характер или форма деятельной вовлеченности субъекта в конкретную ситуацию. *Влияние* — способ, интенсивность и сфера воздействия субъекта на направленность развития ситуации, а также других участников взаимодействия. У каждой переменной имеются свои единицы. Если у присутствия человека в данной ситуации всегда остаются следы или знаки (факты присутствия, в т.ч. «следы присутствия»), а участие предполагает деятельное изменение или поддержание ситуации (факты участия), то влияние связано с последствиями высказанных слов и преднамеренных действий, являющимися значимыми для субъекта и других участников (факты влияния, в т.ч. «последствия воздействия»).

1) *присутствие – неучастие* (эффект неучаствующего или бездеятельного присутствия – «я могу присутствовать в смежном пространстве, но не принимать участие в его поддержании или конструировании») или *отсутствие – участие* (эффект отсутствующего участия – «я отсутствую, хотя бы мысленно, в ситуации, но принимаю в ней косвенное участие»);

2) *присутствие – не влияние* (эффект невлиятельного присутствия – «я могу присутствовать в смежном пространстве, но не оказывать влияние на происходящие в нем события»); *отсутствие – влияние* (эффект отсутствующего влияния или влиятельного отсутствия – «я отсутствую – физически или мысленно – в пограничной ситуации, но при этом оказываю влияние на происходящие в ней события»);

3) *неучастие – влияние* (эффект неучаствующего или бездеятельного влияния – «я не участвую в конкретной ситуации, но при этом оказываю на нее или других участников какое-либо влияние») или *участие – не влияние* (эффект прозрачности ситуации или невлиятельного участия – «я принимаю непосредственное участие в пограничной ситуации, но не оказываю на нее хотя бы косвенное влияние»).

Комбинации типа «присутствие – участие», «присутствие – влияние», «участие – влияние» (эффекты участвующего или плотного присутствия, или участвующего влияния и т.д.) характеризуют ситуации с положительным эффектом, не являющиеся пограничными. Они порождают особые формы вполне определенной ситуации – плотное присутствие, влиятельное участие и пр.

Таким образом, пограничную ситуацию, в которую стремится попасть и попадает человек, определяют, прежде всего, такие комбинации (и эффекты) переменных, как «неучаствующее присутствие», «невлиятельное присутствие», «отсутствующее участие», «невлиятельное участие», «отсутствующее влияние», «неучаствующее влияние». Любые другие (как позитивные, так и отрицательные) комбинации описывают определенную ситуацию, а значит, не могут быть использованы для характеристики пограничья.

В-третьих, пограничная реальность обнаруживает типологическое разнообразие. В соответствии с общепринятым разделением человеческой реальности на персональный (личность), культурный (культура) и социальный (социальность) уровни я выделяю соответственно три основных типа пограничья:

1) *трансперсональная реальность* (выход за рамки личностного сознания и опыта);

2) *транскультурная реальность* (выход за пределы культуры);

3) *транссоциальная реальность* (выход за пределы социальности, прежде всего, ее институциональных рамок).

Пограничье включает в себя также смежные области реальности, прилегающие к вышеназванным – личностно-культурную и социокультурную. Так, термин «социокультурный» уже вошел в научный оборот. Его используют в разных дисциплинарных и междисциплинарных дискурсах.

В настоящем томе альманаха анализируются различные пограничные ситуации. В моих статьях раскрываются основные грани человеческого бытия (экзистенция и трансценденция), между которыми возникают ситуации пограничья, и анализируются типологические особенности трансперсональной реальности, которая опосредует взаимосвязь указанных граней.

В статье А.А. Пелипенко обосновывается концепт запредельного (имплицативного) мира с учетом положений квантовой механики. Это – мир свернутого порядка или квантового «зазеркалья», который характеризуется признаками интенциональности, дискретности и континуальности. Связь между мирами запредельного и эмпирического обеспечивается за счет медиации, оформленной в виде смысловых конструкций культуры. Пограничной по сути является у автора психосфера, которая расположена между имплицативным и эмпирическим мирами и содержит онтологические основания, дифференцирующие реальность по шкале «потенциальное (непроявленное) – актуальное (проявленное)».

М.В. Тлостанова рассматривает пограничность как открытую и дискурсивную площадку, где происходит постоянный взаимообмен мнениями и позициями. В культурном плане – это дезориентация в пространстве, состояние «после», после иммиграции, после семьи, после языка, наконец, после самой культуры. Поэтому «пограничное мышление и сознание основаны прежде всего на саморефлексивном отказе от монотипического субъектно-объектного типа (по)знания, господствовавшего на протяжении последних столетий...». По мнению автора, граница характеризует не только географический рубеж, но и культурный, нравственный предел, пересечение которого означает отход от нормы. Это – право на уникальность и различие, особая субъектность. А также это – время-пространство, «сфера извне», которая служит местом для диалога, соотнесения позиций, где каждый из участников сохраняет свою экстериорность (внеположенность по отношению к любой тотальности), автономность (самодостаточность), плюральность (различаемость) и непрозрачность (непроницаемость).

С точки зрения П.К. Гречко, «пограничье – род реальности между. Эта реальность является уникальной площадкой для встречи с Другим

во всей его/ее уникальности и неповторимости. Пограничье открыто для поиска новых путей и форм коммуникативного взаимопонимания. Важно различать два типа пограничья – синтетическое и агрегатное». Для характеристики пограничной реальности он использует понятия «неопределенность», «детерриториализация», «трансгрессия», «проницаемость», «различия», «контекстуальность», принятые и обоснованные в постмодернистском дискурсе. Интересно и то, что постмодернистская идеология «разжижения» превращает любую реальность в «некое транссостояние» (Ж. Бодрийяр).

В.М. Хачатурян относит к пограничной реальности зону перехода, «которая разделяет и одновременно соединяет «свое» и «иное» в самых разных его ипостасях – от «иных» культур (субкультур) до «иногое», запределного мира».

Итак, пограничная реальность, как бы мы ее не понимали, выражает разрыв или зону перехода других реальностей человека – биологической, технической, персональной, социальной, культурной и пр. Для постижения этих переходов необходимо выработать новый подход. Возможно, в рамках одной книги нам не удастся решить эту задачу. Но важно сделать задел на будущее, чтобы постепенно, шаг за шагом приблизиться к пониманию сложного комплекса проблем человеческого бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Князева Е.Н.* Эпистемологический конструктивизм // *Философия науки*. Вып. 12. *Философия сознания*. М.: ИФ РАН, 2006.
2. *Лекторский В.А.* Кант, радикальный конструктивизм и конструктивный реализм в эпистемологии // *Вопросы философии*. 2005. № 8.
3. *Резник Ю.М.* Социальная реальность: идеи и практики // *Личность. Культура. Общество*. 2008. Т. 10. Вып. 3-6 (42-45).